

КОМЕДИЯ «РАЗДЕЛ» (1853) В ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РАННЕГО А. Ф. ПИСЕМСКОГО И В КОНТЕКСТЕ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК»

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья содержит целостный внутренний, сопоставительный и историко-сопоставительный анализ одной из наименее изученных комедий А. Ф. Писемского – «Раздел». Цель работы – изучение индивидуальной поэтики раннего творчества драматурга: законы построения, проблематика, предмет сатирического разоблачения; а также места пьесы «Раздел» на страницах журнала «Современник».

Материалы и методы. Рассматриваются все авторские варианты пьесы А. Ф. Писемского «Раздел», а также пьеса И. С. Тургенева «Завтрак у предводителя», в контексте содержания журнала «Современник» середины 1850-х гг. и редакционной переписки. Статья синтезирует сопоставительный, историко-литературный и журнально-критический методы.

Результаты. Комплексный анализ содержания «Современника» 1850–1852 гг. показал, что редакция наблюдала за творчеством Писемского, считая его отличительные идеи совпадающими с собственной программой; однако появление «Раздела» показало, что протест Писемского проистекает из иного понимания человеческой природы. Предметом творческого соперничества в пьесе Писемского «Раздел» автор считает комедию И. С. Тургенева «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ». Эта комедия, близкая редакции «Современника», выражает убеждения просвещенных западников о человеческом невежестве как главной причине невозможности «полюбовного дележа», тогда как Писемский доказывает, что человеческая натура не избавилась еще от животных инстинктов.

Выводы. Комедия «Раздел» послужила идейной и сюжетно-композиционной основой поздних «социальных памфлетов» (П. В. Анненков) драматурга, таких как «Ваал», «Финансовый гений». Пьесы Писемского составляют особую линию в развитии русской драматургии середины XIX в., неразрывно связанную с магистральной, но оригинальную.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, пьеса «Раздел», жанр комедии в творчестве Писемского, И. С. Тургенев, пьеса «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ», журнал «Современник», Н. А. Некрасов, тема тяжбы за наследство в русской драматургии XVIII–XIX вв.

О. В. Timashova

THE COMEDY “THE DIVISION” (1853) IN THE DRAMATURGY SYSTEM OF EARLY WORKS BY A. F. PISEMSKY AND IN THE CONTEXT OF “SOVREMENNİK” JOURNAL

Abstract.

Background. The article includes an integral internal, comparative and historical-comparative analysis of one of the least studied comedies by A. F. Pisemsky – “the Division”. The aim of the work is to study the individual poetics of early works by the dramatist: plotting, range of problems, an object of satiric unmasking; as well as a place of “the Division” on the pages of “the Contemporary”.

Materials and methods. The article considers all author's variant of A. F. Pisemsky's play "the Division", as well as I. S. Turgenev's play "Breakfast at chief's", in the context of "the Contemporary" journal's content of the middle 1850s and editorial correspondence. The article synthesizes the comparative, historical-literary and journal-critical methods.

Results. A complex analysis of "the Contemporary" journal's content of 1850–1852 showed that the editorial office monitored the works by Pisemsky, believing that his revealing thoughts matched the journal's program; however, occurrence of "the Division" showed that the protest of Pisemsky originated from a different understanding of human nature. According to the author, the subject of creative competition in Pisemsky's "the Division" is I. S. Turgenev's comedy "Breakfast at chief's, or an amicable share". This comedy, congenial to "the Contemporary" editorial office, expresses beliefs of educated westernists on human ignorance as the main reason for "amicable share" impossibility, whereas Pisemsky proves that human nature still features animal instincts.

Conclusions. "The Division" comedy served as an ideological, compositional and plot base for later "social pamphlets" (P. V. Annenkov) of the dramatist, such as "Baal", "Financial genius". Pisemsky's plays appear to be a special line of development of the Russian drama of the middle XIX century, inseparably linked with the main line, however original.

Key words: A. F. Pisemsky, "The Division" play, comedy genre in Pisemsky's works, I. S. Turgenev, "Breakfast at chief's, or an amicable share", "the Contemporary" journal, N. A. Nekrasov, theme of inheritance dispute in the Russian drama of XVIII–XIX centuries.

Изучение драматургии как важнейшей части творческого наследия автора середины XIX в. Алексея Феофилактовича Писемского (1821–1881) велось в трудах Б. Н. Алмазова [1, с. 455–456], И. Анненского [2, с. 46–59], В. Я. Лакшина [3, с. 5–35], А. И. Журавлевой [4, с. 18–33], М. П. Еремина [5, с. 5–35] и др. Издана посвященная данному вопросу диссертация Л. В. Маньковой [6]. На сегодняшний день исследованы индивидуально-поэтические и постановочные аспекты драмы «Горькая судьбина» (1859), являющейся венцом драматургической деятельности Писемского; изучена поэтика поздних драм исторического («Самоуправцы», «Поручик Гладков») и обличительного («Ваал», «Просвещенное время», «Финансовый гений») характера. Менее привлекали интерес исследователей ранние комедии: «Ипохондрик» (1852) и «Раздел» (1853).

Причиной мы считаем невысокое значение, которое придавалось проблематике ранних пьес. Л. В. Манькова делит драматургическое наследие Писемского на три временных «цикла», из которых о первом говорится как о сугубо «бытовом»: «...В пятидесятые годы он <Писемский> пишет пьесы из быта помещного дворянства и крестьянского быта...» [6, с. 10].

Исследователи, обращавшиеся к анализу пьес Писемского на рубеже XIX–XX вв., усматривали его индивидуальность в интересе к внутренней борьбе роковых «страстей» («верное воспроизведение темных сторон человеческой природы» [2, с. 49]) в условиях их притяжения либо неприятия современным обществом. Современные ученые заявляют о преобладании в его драме социального конфликта: «Причину... зла он <Писемский> видел не в естественной природе человека, а в социальной структуре общества...» [6, с. 14].

Таким образом, до сих пор сохранили актуальность вопросы, касающиеся типологических аспектов драматургии Писемского в ранних его пьесах.

С другой стороны, появление комедии знаменовало начало сотрудничества Писемского с «Современником», спровоцированное его редактором, Н. А. Некрасовым. Как вспоминал Алексей Феофилактович, «по литер. <атурным> делам... сходил... с “Современником”, который *сам... предложил мне...*» (*курсив мой – О. Т.*) [7, с. 111]. Наш анализ призван подтвердить предположение, что сближение Писемского и Некрасова в середине 1850-х гг. явилось актом программным и питалось взаимным интересом автора и журнала.

Писемский заинтересовал редакцию «Современника» тотчас после появления в «Москвитяине» его первой остролюбодневной повести «Тюфяк», и в «Обзрении русской литературы за 1850 год» он, несмотря на то, что публиковался к тому времени только раз, «исчисляется» в ряду «лучших... повествователей и романистов действующих»: «Гончаров, Григорович, Дружинин, *Островский, Писемский...*, Соллогуб, Тургенев» (*курсив автора – О. Т.*) [8, с. 34]. Имена Островского и Писемского как многообещающих дебютантов даны курсивом («только в прошлом году появились») [8, с. 34].

На протяжении 1850–1853 гг. не было ни одного произведения Писемского, которое не удостоилось бы благосклонного отзыва «Современника». Анализ рецензий «Современника» позволяет также доказать, что, усмотрев в идеях и образах Писемского близость своим взглядам, петербургский журнал вел искусную кампанию по отторжению его от «московского издания». Так можно думать, отмечая постоянные противопоставления Писемского Островскому как более даровитого, но недооцененного писателя. Так, например, рассуждая о верности вкуса публики, Новый поэт (И. И. Панаев) приводил следующий пример: «...С какою радостью она встречает произведения автора “Тюфяка”, возбуждающего в ней сильное участие к своему таланту – и ей неприятно, если ея ожидания и надежды... не осуществляются людьми, которых она встретила с... одобрением, как, например, *автора одной известной комедии...*» [9, с. 144–145] (*курсив автора – О. Т.*).

Н. А. Некрасов возлагал надежды на нового автора как возможного ведущего. Из пяти его произведений три открывали новогодние выпуски журнала («Богатый жених» – 1852 г. (№ 1–4, вторая часть), «Раздел» – 1853 г. и «Виновата ли она?» – 1855 г.). В сближении с «Современником» и Писемский искал выход из кризиса, сложившегося в его отношениях с «Москвитянином». Об этом свидетельствует письмо, написанное Алексеем Феофилактовичем по итогам первой личной встречи: «В отношении Петербургских Литераторов... скажу откровенно, что они... понравились мне лучше Московских, не тартюфят... тогда как там (*в «Москвитяине» – О. Т.*) встречаешь лицемерие, ханжество и... бессмысленное славянофильство...» [7, с. 62]. Но многообещавшие литературные отношения обернулись взаимным разочарованием. Из послания А. Н. Островскому от 1857 г. узнаем об окончательном разрыве: Писемский «...сам... отказался <от сотрудничества>, и... вышло лучше, потому что вместо жулика Некрасова буду иметь дело с ... Печаткиным» (*издатель «Библиотеки для чтения» – О. Т.*) [7, с. 111]. Из этого же письма становится ясно, что причиной отторжения стали принципиальные расхождения в оценках человеческой природы и возможности ее исправления.

«Раздел», «комедия в четырех действиях», открывшая собой январский номер «Современника» за 1853 г., – первая драма писателя, опубликованная

в этом журнале и одно из первых созданий, над которым начал работать Писемский, вступив в состав его редакции. Молодой автор понимал, что именно со сцены будут услышаны публикой его идеи: «Писатель без сцены не может сделаться популярен...» [7, с. 547].

Свои программные взгляды на драматургию Писемский сформулировал в письме А. Н. Островскому, передавая, «что чувствовал и мыслил» при знакомстве с «Банкрутом» (1850). В его формулировке «основной идеи» сюжетного развития драмы Островского повторяется ключевое для Писемского понятие «эгоизма» как одного из вариантов личных страстей, не ограниченных рамками образования и существующих законов: «Необразованность, а вследствие ее совершенное отсутствие... нравственных правил и грубый эгоизм... обнаруживается в каждом лице и все события пьесы уславливаются тем же бесчестным эгоизмом, т.<о> е.<сть> замыслом и исполнением ложного банкротства» (*курсив мой – О. Т.*) [7, с. 25]. В развитии драматического действия его привлекают эффектные явления, как, например, «драматическая сцена посаженного в яму банкрота в доме его детей, которые... отказываются платить за него...». В их создании драматург должен ориентироваться на широкие круги «театральной публики», постоянное взаимодействие сцены и зала: «Зачем Вы мать заставили бегать за танцующей дочкою <...>. Вы, конечно, имели в виду театральную сцену и зрящий на нее партер» [7, с. 26].

После выхода «Москвитянина» с первой комедией Писемского «Ипохондрик» (1852) о мнительном помещике, вообразившем себя умирающим, журналы поместили разбор пьесы на своих страницах. Однако дельных указаний, по мнению автора, почти не последовало: «...“Библиотека для чтения” наговорила вздор...; “Отеч.<ественные> записки” отозвались желчно...» [7, с. 545]. Указание на «уважаемый им» талант, но ничтожный сюжет, отличало и отзыв «Современника» (И. И. Панаева). Он отказывался видеть завязку в изображении человеческой причуды и интерес – в исследовании этой причуды и реакции на нее: «Лишенная живого и занимательного действия, из которого вытекала бы... завязка, – пишет он, – комедия г. Писемского в частностях имеет, однако, большие достоинства» [10, с. 191]. Вместе с тем рецензент «Современника» указывает, что лица Писемского имеют значительный драматический потенциал: «Проخور в силе, Ванечка в богатстве... сестрица... с более честолюбивыми видами, заставили бы нас смеяться иным смехом» [10, с. 192].

Замечание Нового поэта, очевидно, пробудило творческий дух Писемского, поскольку он был отчасти с ним согласен: «Современник» «сказал, что в Комедии <“Ипохондрик”>, нет... завязки, из которой бы все вытекало, может быть, это и справедливо...» [7, с. 545].

Стремление реабилитироваться звучит в постскрипуме послания Некрасову с предложением к печати новой драмы (12 августа 1852 г.): «В последней моей комедии <“Раздел”> я избежал недостатка 1-й <“Ипохондрика”>, т.<о> е.<сть> отсутствия анекдота...» [7, с. 53]. В послании Островскому от 20 марта 1852 г. писатель заявляет: «Задумываю... большую комедию: сюжет, или анекдот, готов, а это для меня самое трудное... в характерах не затруднюсь» [7, с. 49]. «Трудность» выбора «анекдота» состояла, очевидно, в желании представить общественный, социально заостренный сюжет, за отсутствие которого в «Ипохондрике» и критиковал его И. И. Панаев.

К 20 июня того же года «анекдот» был найден, и автор сообщил М. П. Погодину: «...Есть в голове моей план комедии под названием “Раздел наследства”, где хочется выразить жадность... наследников, прикрытую обычной фразой: “мне ничего не надобно”...» [7, с. 543–544]. Позднее, 12 августа в послании Некрасову Писемский смог уже изложить «подробности содержания»: «Опасаясь только цензуры...: осмеяна <в пьесе>... мелочная жадность, которая так ярко и... комически высказывается при подобных случаях... После смерти старого холостяка... съезжаются делить имение его родные...» [7, с. 52]. Хотя теперь конфликт носит характер коллективного и общественно обусловленного, Писемский не отступил во второй пьесе от законов собственной драматургической поэтики. Писатель вновь ищет ситуацию неизбежного и «яркого» столкновения личных амбиций, при которой проявляются, как сказано в послании М. П. Погодину, вечные «страсти человеческие». Об этом стремлении отыскать универсальную для современного обывателя «лакмусовую бумажку», разоблачающую благопристойных в чужих (и своих) глазах господ, говорит начало эпиграфа журнальной редакции: «Немного так неприятно видеть в человеке, как мелкую корысть, и нигде она так... не выказывается, как при разделах наследства...» [11, с. 19].

Во второй пьесе конфликт провоцирует не причуда индивидуального характера (Дурнопечин с его мнительностью), а распространенное и законное с точки зрения государства стремление – получить часть имущества умершего родственника. Никто не замечает уродства ситуации, при которой наследники должны радоваться смерти близкого. Уверенность в том, что новая комедия «придется ко двору» в «Современнике», вкупе с преждевременными опасениями о ее цензурной судьбе, могла объясняться еще одним обстоятельством, на которое не обратили внимание исследователи. Хотя тема тяжб, раздела наследства достаточно распространена в русской драматургии XVIII–XIX вв. (вспомним «Бригадира» Д. И. Фонвизина (история Добролюбова), «Ябеду» В. В. Капниста), наиболее близкой по времени и тематике является одноактная комедия И. С. Тургенева «Завтрак у предводителя» (опубликована в 1856 г.). В журнальной редакции 1849 г. она носила название «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ» (ср.: «Раздел наследства»). Пьеса эта, несмотря на запрет ее печатания в «Современнике», с успехом шла на сценах Петербурга и Москвы в 1849–1850-х гг., и в частности в бенефис знаменитых драматических актеров, гордости московской сцены, И. Самарина и В. Живокини зимой 1850 г. И в дальнейшем в ней блистали близкие «Москвитянину» актеры (Щепкин, Садовский), в Петербурге – Мартынов. Кроме того, как отмечают исследователи, «несмотря на цензурный запрет “Завтрак у предводителя”... театральная... редакция... распространялась в нелегальных копиях...» [12, с. 395]. Таким образом, Писемский мог увидеть пьесу еще не знакомого ему писателя в один из своих регулярных визитов в Москву из Костромы, где тогда служил, либо получить из литературных и театральных кругов, близких «Москвитянину», ее рукописную копию.

Тургеневская бытоописательная сценка, «характернейшая для мелкопоместной дворянской среды» [12, с. 388], не могла не привлечь Писемского как изображенным в ней обществом, так и конфликтом. В обеих пьесах грязные страсти разгораются при дележе между близкими людьми после смерти бездетной тетушки (у Писемского – дяди). Везде наследники стремятся во-

влечь в свои интриги окружающих (у Тургенева – кучера Кауровой и «кружевниц» Беспаднина, у Писемского – лакеев и ключницу покойного барина, его воспитанника). В той и другой усилия примирить враждебные интересы оказываются тщетными, и тем мотивируется минорный финал.

Писемский делает ряд существенных переакцентировок. С фактической стороны он увеличивает куш, достающийся небогатым наследникам: «сто тысяч рублей», несколько крупных имений, что делает их спор объяснимым и мотивированным в своей беспощадности. Он усложняет интригу за счет увеличения числа наследников мужского пола («брат Кирило Прокофьич», «брат Иван Прокофьич», «племянник Сергей Васильич») и дам («сестра Анна Прокофьевна, убеждающая... в своей доброте и родственной любви», «племянница Амалия Петровна... с очень беспокойным характером») [7, с. 52–53]. Одновременно Писемский исключает побочную интригу: соперничество нынешнего предводителя дворянства, Балагалаева, и старого, Пехтерьева, которое стало одной из причин неудавшегося раздела у Тургенева.

Но главным полемическим мотивом, подвигшим Писемского в пику теперь уже коллеге по журналу создать *свою* пьесу, мог быть вопрос, вынесенный в название и продублированный в финальной реплике судьи Сулова: «Вот тебе и любовный дележ!» [13, с. 39]. Это вопрос о пределах и путях обуздания «страстей человеческих».

Наследники, как стая хищных зверей, могут только на время примириться, единым фронтом выступая против мнимых похитителей их законной добычи:

Анна Ефремовна. Это превышает всякое вероятие. Братец Иван Прокофьич, что вы намерены предпринять?

Иван Прокофьич. Отберем-с... показания и, сообразно с ним, будем разыскивать.

Кирило Семеныч. Непременно надобно этак сделать!

Эмилия Петровна. Если бы я предполагала, что тут так будут воровать... [14, с. 157].

Но когда сами достопочтенные родственники наконец «приступают к разделу», то, как отмечает автор в письме-заявке Некрасову, «за каждую... чашку шум, спор» [7, с. 53]. Алчность разделяет людей, не отличая пола, возраста, образования. В борьбе за наследство обнажают неприглядное психологическое нутро и Иван Прокофьич, «умный, хитрый, с железным характером», и Кирило Прокофьич, «смирный и глуповатый, но инстинктивно *своего не упустит*» [7, с. 52–53] (*курсив мой – О. Т.*), и просвещенный «московский хват», и пожилая вдова, и молодая дама. Таким образом, интерес пьесы сосредотачивается на внешних, но оригинальных и многообразных проявлениях одной «страсти».

Напротив, у Тургенева «сумасбродство» наследников, мешающее разделить, очевидно окружающим. В нем обвиняются оба полуграмотных помещика, брат и сестра («Это у них в роду, Николай Иваныч...»). Но именно претензии «бестолковой» Кауровой, предшественницы «забитых существ» Чехова, делаются причиной очередного неудачного собрания. Ее вина очевидна даже для постороннего свидетеля, Алупкина: «Слушай, баба!... Эй, не дурачься! Опомнись!» [13, с. 30].

В веселой тургеневской сценке оказалось достаточно припугнуть глупую вдову, и, не вмешайся хитрый Пехтерьев, раздел состоялся бы: «**Кауро-**

ва (*трепетным голосом*). Согласна, отцы мои, на все согласна... Все, что угодно, подпишу...» [13, с. 31]. Со своей стороны, у Беспандина в решающий момент просыпаются родственные чувства; он готов поддержать Анну Ильиничну, хоть и оговаривается, что вступается «вовсе не за сестру... а за честь фамилии» [13, с. 30].

Писемский, в согласии с программой журнала, усложняет сюжетную линию «бедных людей», невольных жертв разгоревшейся битвы человеческого эгоизма. Тургенев ограничивается комической сценой допроса госпожой туповатого кучера, который не понимает, какого доноса на ее «брatца» от него требуют. «Раздел» начинается с диалога барыни с ее воспитанницей Катенькой (она же «Катишь»), в которой благодетельница требует от девушки снисходительно принимать ухаживания молодого франта-племянника, который в «стачке» с нею. Эгоизм, подобно прилипчивой болезни, развращает окружающих. Челядь – лакеи, кучеры, ключница – принимают деятельное участие в «разделе» на стороне своего претендента в надежде на награду, шпионит, наушничает, посылает доносы. Таким образом, название «Раздел», а не «Раздел наследства», или «...Дележ» приобретает у Писемского обобщенно-символическое значение, указывая, как в «Ипохондрике», на силу низменных страстей, делающих человека эгоистом.

В дальнейшем это убеждение, отличавшее Писемского, найдет отражение в его программной статье о втором томе «Мертвых душ» (1857): «Если б Недорослей, Бригадиров, Фамусовых... поучить и пообразовать, то... авторы и читатели помирились бы с ними». К другому типу писателей он относит Гоголя и себя, говоря о врожденных «болезнях души» своих персонажей: «...Ноздрев, Подколесин... и *другие* страдают не отсутствием образования, не предрассудочными понятиями, а... посерьезнее, и для исправления их мало школы и цивилизации» [15, с. 526] (*курсив мой – О. Т.*).

Вопрос о путях «исправления» драматург выносит в эпиграф пьесы (в дальнейшем он будет снят): «Но, благодаря Бога, ее <“мелкую корысть”>, с одной стороны, ограничивают... законы, с другой – искореняет истинное образование» [11, с. 19]. В первых двух своих драмах Писемский сосредотачивается на «законных» путях обуздания себялюбия. В «Ипохондрике» «законы» здравого смысла персонифицированы в образе доброй тетушки, в «Разделе» речь идет о законах государственных. В обеих пьесах влияние «внешних» факторов на человеческую натуру кажется автору слабым и неубедительным. С этим связаны и колебания в разработке финалов. В «Ипохондрике», при всех вариантах действий Соломонины Платоновны и ее первоначальном успехе, для зрителя очевидно, что Дурнопечин рано или поздно вернется к своей мании.

Аналогичные варианты, означавшие открытый финал и отсутствие нравственного катарсиса персонажей, Писемский перебирал, завершая «Раздел». В первоначальном замысле, о котором автор сообщал Погодину, «...конец ее <пьесы>... в том, что покойник сам всех разделил и все останутся видимым образом довольны в силу того, что *страсти человеческие при необходимости унимаются...*» [7, с. 543–544] (*курсив мой – О. Т.*). Так, уже при первых набросках обдумывался вопрос, вынесенный впоследствии в эпиграф.

В послании Некрасову конкретизируется первый вариант: «...Неудовольствия <между наследниками> идут crescendo... Вдруг известие, что по-

койник... оставил им по... равной и *небольшой* части... лица всех вытягиваются, но делать нечего, – и... все мирятся» [7, с. 53] (*курсив мой – О. Т.*). В журнальном варианте, возможно, под влиянием советов редактора, акцентирован триумф «униженных и оскорбленных»: имение завещано бедному воспитаннику, почти уже обреченному в тюрьму за якобы кражу библиотеки (никому из остальных наследников не нужной). Можно догадываться, что Богданов, получив наследство, предложит руку бедной Катеньке и тем спасет еще одну жертву.

Но самого Писемского не удовлетворил и этот финал. В 1874 г., готовя к печати новое издание своих сочинений, он снова обращается к произведению двадцатиоднолетней давности. Драматург снимает внешнюю благополучную развязку и рассматривает обратную сторону разворачивающегося конфликта, показывая, к чему приводят «страсти», не стесняемые ни внешней волей, ни внутренней культурой.

Если у Тургенева несогласие наследников разрешается временным изменением предводителя (реплика: «...Вот погоди, он (*Балагалаев – О. Т.*) оправится, мы засядем в преферанс» [13, с. 40]), то у Писемского столкновение человеческих эгоизмов неизбежно ведет к трагедии. Действие заканчивается, как в античной драме, неизбежной гибелью одного из героев «за сценой»:

Матвеевна (*вбегая*): Отцы мои, что творится! Сергей Васильич... с кольями и дрекольями пошел на Ивана Прокофьича. Тот на скотном дворе заперся и скотинку начал колоть, а тот с ружьем на него идет...

Раздается ружейный выстрел.

Все женщины и Кирило Семеныч. Ай! [14, с. 114].

Некрасов принял «Раздел» благосклонно, как выражение позиции «Современника», но только на фоне слабых творений, о которых «не стоит говорить» [16, с. 402]. Сам тон редактора доказывает, что Писемский принципиально не изменил свои драматургические принципы, и предопределяет в дальнейшем неизбежный идейный разрыв.

В начале 1850-х гг. в «Ипохондрике» и «Разделе» начинает складываться драматургическая система Писемского, которая затем, с подачи П. В. Анненкова, получит тонкое определение «социального памфлета». Современники противопоставляли «Раздел» «Ипохондрику», в котором проявилось, по его собственным словам, «отсутствие анекдота». На самом деле мы имеем дело с единством завязки, заключающейся, как во всех последующих пьесах Писемского, за исключением «Ветерана и новобранца» и «Горькой судьбины», в проявлении человеком некоей физической или нравственной слабости. В «Ипохондрике» такой слабостью, завязывающей действие, становится мнительность персонажа, в «Разделе» – смерть. И в том, и в другом случае перед окружающими неожиданно открывается возможность поживиться за чужой счет цивилизованными благами, как перед стаей зверей – жирным куском дичины.

В дальнейшем драматург усложнит мотивировку действий людской толпы, выдвинув в качестве всеобщего искушения – «Ваала или поклонение золотому тельцу». Эта всеобщая погоня поколения шестидесятых-семидесятых за мгновенным обогащением, хотя и спровоцированная социальными условиями пореформенного времени: свободой биржевых махинаций

и легкостью афер, – затрагивает в душе те же вечные низменные «страсти». Не случайно характеристика, данная П. В. Анненковым поздней драматургии Писемского, вполне распространяется на исследованные нами ранние пьесы: «Цели и приемы литературного памфлета... состоят в том, чтобы довести лицо или событие до высшей степени безобразия... <...>». Комедия его «Ваал» рисует оргию современного хищничества почти без литературного прикрытия, с грубостью народного фарса, называющего все предметы по их именам» [17, с. 487–488].

Можно утверждать, что пьесы Писемского составляют особую линию в развитии русской драматургии середины XIX в., неразрывно связанную с магистральной, но оригинальную.

Список литературы

1. **Алмазов, Б. Н.** Писемский и его двадцатипятилетняя литературная деятельность / Б. Н. Алмазов // *Русский архив*. – 1875. – № 1. – С. 465–467.
2. **Анненский, И.** Три драмы. «Горькая судьбина». «Власть тьмы». «На дне» / И. Анненский // *Книги отражений*. – М. : Наука, 1979. – С. 46–59.
3. **Лакшин, В. Я.** Спор о Писемском-драматурге / В. Я. Лакшин // *Театр*. – 1959. – № 4. – С. 94–97.
4. **Журавлева, А. И.** Русская драма и литературный процесс / А. И. Журавлева. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 196 с.
5. **Еремин, М. П.** Писемский – драматург / М. П. Еремин // Писемский А. Ф. Пьесы. – М. : Искусство, 1958. – 446 с.
6. **Манькова, Л. В.** А. Ф. Писемский – драматург : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Манькова Л. В. – М., 1986. – 26 с.
7. **Писемский, А. Ф.** Письма / А. Ф. Писемский ; под ред. и ком. М. К. Клемана, А. П. Могилянского. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – 928 с.
8. **Гаевский, В. П.** Обзорение русской литературы за 1850 год / В. П. Гаевский // *Современник*. – 1851. – № 1–2. – С. 34–35.
9. **[Панаев, И.]** Заметки и размышления Нового Поэта. Ноябрь 1851 / [И. Панаев] // *Современник*. – 1851. – № 12. – Отд. 4. – С. 144–145.
10. **[Панаев, И.]** Заметки и размышления Нового Поэта / [И. Панаев] // *Современник*. – 1852. – № 2. – Отд. 4. – С. 280–297.
11. **Писемский, А. Ф.** Раздел / А. Ф. Писемский // *Современник*. – 1853. – № 1. – Отд. 1. – С. 1–19.
12. **Оксман, Ю. Г.** Комментарий / Ю. Г. Оксман // *Тургенев И. С. Полное собрание сочинений* : в 28 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР. – Т. 3. – С. 388–402.
13. **Тургенев, И. С.** Завтрак у предводителя / Тургенев И. С. Полное собрание сочинений : в 28 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР. – Т. 3. – С. 7–40.
14. **Писемский, А. Ф.** Пьесы / А. Ф. Писемский. – М. : Искусство, 1958. – 446 с.
15. **Писемский, А. Ф.** Собрание сочинений : в 9 т. / А. Ф. Писемский ; под ред. А. П. Могилянского ; подг. текста и примеч. М. П. Еремина. – М. : Правда, 1959. – Т. 9. – (Библиотека «Огонек»).
16. **Некрасов, Н. А.** Переписка : в 2 т. / Н. А. Некрасов. – М. : Наука, 1987. – Т. 1.
17. **Анненков, П. В.** Литературные воспоминания / П. В. Анненков. – М. : Искусство, 1988.

References

1. Almazov B. N. *Russkiy arkhiv* [Russian archive]. 1875, no. 1, pp. 465–467.
2. Annenskiy I. *Knigi otrazheniy* [Books of reflections]. Moscow: Nauka, 1979, pp. 46–59.
3. Lakshin V. Ya. *Teatr* [Theatre]. 1959, no. 4, pp. 94–97.

4. Zhuravleva A. I. *Russkaya drama i literaturnyy protsess* [Russian drama and literary process]. Moscow: Izd-vo MGU, 1988, 196 p.
5. Eremin M. P. *Pisemskiy A. F. P'esy* [Pisemsky A. F. Plays]. Moscow: Iskusstvo, 1958, 446 p.
6. Man'kova L. V. *A. F. Pisemskiy – dramaturg: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [A. F. Pisemsky – dramatist: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Moscow, 1986, 26 p.
7. Pisemskiy A. F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1936, 928 p.
8. Gaevskiy V. P. *Sovremennik* [The Contemporary]. 1851, no. 1–2, pp. 34–35.
9. [Panaev I.] *Sovremennik* [The Contemporary]. 1851, no. 12, sect. 4, pp. 144–145.
10. [Panaev I.] *Sovremennik* [The Contemporary]. 1852, no. 2, sect. 4, pp. 280–297.
11. Pisemskiy A. F. *Sovremennik* [The Contemporary]. 1853, no. 1, otd. 1, pp. 1–19.
12. Oksman Yu. G. *Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 28 t.* [Turgenev I. S. Complete works: in 28 volumes]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, vol. 3, pp. 388–402.
13. Turgenev I. S. *Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 28 t.* [Turgenev I. S. Complete works: in 28 volumes]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, vol. 3, pp. 7–40.
14. Pisemskiy A. F. *P'esy* [Plays]. Moscow: Iskusstvo, 1958, 446 p.
15. Pisemskiy A. F. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected works: in 9 volumes]. Moscow: Pravda, 1959, vol. 9.
16. Nekrasov N. A. *Perepiska: v 2 t.* [Correspondence: in 2 volumes]. Moscow: Nauka, 1987, vol. 1.
17. Annenkov P. V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Moscow: Iskusstvo, 1988.

Тимашова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра истории русской литературы
и фольклора, Саратовский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: kirlif@info.sgu.ru

Timashova Ol'ga Vladimirovna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of history
of Russian literature and folklore,
Saratov State University named after
N. G. Chernyshevsky
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

УДК 821.161.109+929 Писемский

Тимашова, А. А.

Комедия «Раздел» (1853) в драматургической системе раннего А. Ф. Писемского и в контексте журнала «Современник» / О. В. Тимашова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 140–149.